

Эрагон. Вилка, ведьма и дракон

Автор:

[Кристофер Паолини](#)

Эрагон. Вилка, ведьма и дракон

Кристофер Паолини

Предания Алагейзии #1

Прошел год с тех пор, как Эрагон покинул Алагейзию. Он нашел идеальное место для строительства нового дома Всадников и драконов, и ежедневно ему приходится решать множество задач. Впрочем, несмотря на разногласия, все – и упрямые гномы, и воинственные ургалы, и надменные эльфы, и молчаливые Элдунари – стараются помочь Эрагону. Бывает, надо остаться и вступить в бой. Бывает, лучше избежать прямого противостояния и шагнуть в неизвестность. А иногда бывает, что надо сделать и то и другое... Мир Алагейзии, мудрые странники, пронизывающая мир магия и конечно же могущественные драконы! С возвращением!

Кристофер Паолини

Эрагон. Вилка, ведьма и дракон

The Fork, The Witch, and The Worm – Copyright © Christopher Paolini, 2018

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

Cover art copyright © 2018 by John Jude Palencar, www.johnjudepalencar.com

* * *

Как всегда, посвящаю эту книгу моим родным. А также читателям, без которых ее бы не было

Часть первая

Вилка

Глава I

Гора Аригор

День не заладился с самого утра.

Эрагон откинулся на спинку кресла и отхлебнул из кружки большой глоток черничного меда. В горле вспыхнуло сладкое тепло, а с ним нахлынули воспоминания о летних днях за сбором ягод в долине Паланкар.

Очень захотелось домой.

Мед – это лучшее, что удалось почерпнуть из беседы с Хрутмундом, посланником от гномов. «Дар, призванный укрепить узы дружбы между гномами и

Всадниками» – так заявил Хрутмунд.

Эрагон фыркнул. Какая уж тут дружба. Он все утро потратил на споры о том, когда гномы должны доставлять обещанные припасы. Хрутмунд уверенно заявлял, что одного раза в три-четыре месяца будет вполне достаточно. Еще чего! Гномы живут к Академии ближе, чем все остальные расы, раз в месяц отправлять караваны ухитрялась даже Насуада, – а это другой конец пустыни Хадарак, далеко на западе.

«Надо будет переговорить с Ориком напрямую и уладить этот вопрос». Одна из важных задач в бесконечной череде таких же неотложных дел.

Эрагон окинул взглядом груды свитков, книг, карт, разрозненных обрывков пергамента, заваливавшие стол, – все они требовали его срочного внимания. От этой картины стало грустно. Он вздохнул и выглянул в большое окно. Из «орлиного гнезда» открывался прекрасный вид. Над открытыми всем ветрам равнинами, раскинувшимися вокруг горы Арнгор, сияли лучи заходящего солнца. На севере и западе поблескивала, словно серебряная лента, река Эдда. В порту за излучиной стояли два корабля, и из этого порта на юг, к холмам, обрамлявшим подножие Арнгора, тянулась узкая тропа.

Эрагон выбрал эту гору по совету Сапфиры и ее спутников. Она станет для Всадников новым домом. Кроме того, здесь под надежной охраной будут храниться Элдунари и, возможно, совьют гнезда новые поколения драконов.

Высокий обрывистый пик чем-то напоминал Беорские горы. Он был ниже этих неприступных гигантов, но все равно во много раз выше, чем хребет, у подножия которого стоял его родной дом. Арнгор высился среди зеленых восточных просторов, в двух неделях пути неспешного плавания от Алагейзии.

К югу от Арнгора земля была холмиста, словно скомканное одеяло, и усеяна деревьями, листья которых ярко серебрились на ветру, как рыба чешуя. Дальше к востоку высились обрывы, утесы, каменные столбы с плоскими вершинами, увенчанные шапками зелени. Среди них жили бродячие племена, странные полудикие люди, каких Эрагон никогда прежде не встречал. До сих пор они не доставляли хлопот, но он все равно был настороже.

Таковы уж теперь его обязанности.

Гора носила много имен. На языке гномов Арнгор означало «Белая гора», и ее верхняя треть и впрямь была укутана снегом и льдами; при взгляде издалека вершина ярко сияла среди зеленых равнин. Но у гномов было для нее и другое имя, древнее и тайное. Когда отряд, возглавляемый Эрагоном, начал обустраиваться среди холмов у подножия горы, повсюду обнаруживались туннели, уходящие далеко вглубь, и на их стенах рунами было написано: «Гор Наррвелн», то есть Гора Самоцветов. Какие-то древние кланы или племена гномов выкопали в толще горы глубокие шахты.

Гномы, примкнувшие к отряду Эрагона, были в восторге от этого открытия и долгими часами спорили о том, кто вырыл эти шахты и какие самоцветы там добывались.

На древнем языке гора называлась Фелл Тиндар, что означало «Гора Ночи». Эльфы так и не смогли объяснить Эрагону, откуда пошло это название, поэтому он его редко использовал. Но он также слышал, как между собой эльфы называют гору Ваэта, или Надежда. Это название показалось ему подходящим, так как Всадники на драконах были надеждой для всех народов Алагейзии.

У ургалов было свое имя для горы – Унгвек. Когда Эрагон спросил, что оно означает, те заявили: «Упрямец». Но он не был в этом уверен.

Жили там и люди. Эрагон слышал, как они употребляли все четыре названия, а также использовали свое – Седой Шип, и в этих словах ему мерещилась насмешка.

Самому Эрагону больше нравилось звучание слова Арнгор, но он относился с должным уважением ко всем именам. Их многообразие ярко отражало происходящее в Академии, где смешались все возможные расы, культуры, каждая со своим жизненным укладом, со своими взглядами и привычками, и нужно было между всем этим балансировать...

Он отпил еще глоток меда из муннвлорсса. Так – муннвлорсс – Хрутмунд назвал бутылку. Эрагон повертел это слово на языке, ощутил его форму и попытался понять значение.

Помимо встречи с Хрутмундом, ему сегодня пришлось улаживать много других дел. Ургалы, как всегда, держались воинственно. Люди разбивались на разрозненные группы. Драконы в своих Элдунари хранили загадочное молчание. А эльфы... эльфы были изящны, деловиты и донельзя вежливы, но если уж они что-то вбили себе в голову, никто и ничто не могло их переубедить. С ними вести дела оказалось гораздо труднее, чем предполагал Эрагон, и чем больше он с ними общался, тем сильнее соглашался с мнением Орика. Эльфами лучше восхищаться издалека.

Помимо межличностных трений, не прекращались и другие бесконечные хлопоты: надо было возвести крепость, закупить провизию, создать запасы всего необходимого на грядущую зиму, да мало ли еще что – тысячи дел, в которые выливается управление большим городом.

Вот во что превратилась в конечном итоге их экспедиция. Поселение, которое в скором времени станет постоянным.

Эрагон допил последние капли меда. Напиток подействовал, пол под ногами еле заметно качнулся. Всю первую половину дня Эрагон посвятил строительству крепости, и это отняло у него и у Сапфиры гораздо больше сил, чем он предполагал. Ел он достаточно много, но все равно никак не мог восполнить потраченную энергию. В последние две недели он стал застегивать ремень на две дырочки туже, и это если не считать дырочки, потерянной за неделю до этого.

Он взял со стола пергамент, пробежал его глазами и нахмурился.

Восстановить расу драконов, возглавить Всадников, оберегать Элдунари – эти обязанности он исполнял охотно и относился к ним серьезно. И все же... Эрагон не предполагал, что рутинные дела будут отнимать так много времени. Что придется целыми днями сидеть за столом и до рези в глазах всматриваться в бумаги и цифры. Как ни странно, сил на это уходило даже больше, чем на войну с Империей и битвы с Гальбаториксом – а еще раз испытать нечто подобное Эрагон ни за что бы не согласился. И тем не менее эти хлопоты были приятны.

Временами он мечтал, как пристегнет свой меч Брисингр, сядет на Сапфиру и полетит искать приключения. Мечта так и оставалась мечтой. Нельзя же оставлять драконов и Всадников на произвол судьбы.

– Барзул, – буркнул Эрагон. Брови сдвинулись еще суровее, и ему захотелось обрушить на пергамент целый ворох проклятий: огонь, мороз, молнию, ветер, уничтожение и забвение, да и много чего еще.

Он перевел дыхание, выпрямился и потянулся за пером.

«Перестань», – вдруг сказала Сапфира. Она сидела на другом конце комнаты в мягком углублении-гнезде. В этом самом гнезде Эрагон и спал по ночам, уютно устроившись под драконьим крылом.

Она расправила шею, и по стенам заплясали голубые искры, отраженные от ребристой, словно самоцветы, чешуи.

– Не могу, – вздохнул он. – Я бы с удовольствием, но не могу. К обеду надо проверить эти списки, и...

«Работа никогда не иссякнет, – сказала она, подходя к столу. Кончики сверкающих когтей стучали по каменному полу. – Всегда найдутся те, кому что-то от нас нужно. Но ты, малыш, должен позаботиться о себе. На сегодня ты сделал достаточно. Отложи ручку и выкинь заботы из головы. Небо еще светлое. Иди потренируйся в фехтовании с Блэдхгармом или поборись со Скаргазом. Только не сиди и не ворчи».

– Нет. – Эрагон устремил взгляд на руны, испещрявшие пергамент. – Это дело надо закончить, и сделать его больше некому, кроме меня. Если я не...

И вдруг отпрянул. Левый передний коготь Сапфиры обрушился на ворох пергамента, пригвоздил его к столу и опрокинул чернильницу.

«Хватит, – фыркнула она, опалив Эрагона жарким дыханием. Потом вытянула шею и покосилась на него мерцающим бездонным глазом. – На сегодня достаточно. Ты уже сам не свой. Иди».

– Ты не...

«Иди!» – Она изогнула губы и раскатисто рыкнула.

Эрагон в раздражении прикусил язык. Отшвырнул перо – оно упало рядом с когтем драконихи.

– Ну ладно. – Отодвинул кресло от стола, встал, воздел руки. – Ладно. Твоя взяла. Иду.

«Вот и хорошо. – В глазах Сапфиры блеснула веселая искорка, и она носом подтолкнула его к сводчатому коридору. – Иди. И не возвращайся, пока не поднимешь себе настроение!»

– Гм.

Но все же улыбнулся. Вышел, спустился по широкой изогнутой лестнице. Эрагон хоть и спорил, однако был рад встать из-за письменного стола. И знал, что Сапфира это прекрасно понимает. Его это немного раздражало, но не ворчать же по таким пустяковым поводам!

Иногда легче вступить в бой, чем решать бесчисленные повседневные проблемы.

Этот урок ему еще предстояло усвоить.

Ступеньки были невысокие, однако стены расходились достаточно широко, чтобы между ними легко проходила Сапфира. В этой крепости все, кроме личных покоев, было пригодно даже для самых крупных драконов – точно так же строили на острове Врэнгард, в древней столице Всадников. Без этого было не обойтись, однако любая комната получалась монументальной, а залы – огромными и хмурыми, даже мрачнее, чем в шумном Тронжхайме, главном городе гномов.

«Крепость будет выглядеть приветливее, – подумал Эрагон, – когда наконец найдутся время и силы, чтобы ее украсить». Гобелены на стенах, ковры возле каминов помогут гасить гулкое эхо, добавят цвета, придадут помещениям уюта и тепла. Но сейчас единственным реальным усовершенствованием были подарки гномов – десятки беспламенных фонарей. Их развесили на стенах через равные промежутки, и в коридорах сразу стало светлее.

Да и сама крепость была пока что невелика. Несколько складских помещений, кое-где стены, «орлиное гнездо», где спали он сам и Сапфира. Оно расположилось на верхушке высокой скалы, откуда открывался прекрасный вид на будущую цитадель. Предстоит сделать еще очень и очень много, прежде чем постройка обретет тот величественный вид, какой представлял себе Эрагон.

Он спустился в главный двор – пока что это был всего лишь квадрат из грубо обтесанного камня, уставленный шатрами и усеянный инструментами, веревками и прочими атрибутами строительства. Возле костра, по своему обыкновению, мерились силами ургалы. Эрагон посмотрел-посмотрел, но вступать в борьбу не стал.

На крепостной стене, откуда открывался вид на подножия холмов, стояли на страже два эльфа – Астрит и Рилвен. Увидев Эрагона, они кивнули. Он ответил на приветствие и остановился поодаль, сцепив руки за спиной и с наслаждением вдыхая прохладный вечерний воздух.

Потом он пошел проверить, как идет строительство главного зала. Гномы продумали расположение комнат согласно его, Эрагона, общему плану, а эльфы довели отделку до совершенства. Между этими группами не раз вспыхивали жаркие споры.

Из зала Эрагон отправился на склады и стал пересчитывать ящики и бочки с припасами, прибывшие накануне. Несмотря на напутствия Сапфиры, он никакими усилиями не мог выбросить работу из головы.

Надо сделать еще так много, а у него вечно не хватает ни времени, ни сил осуществить хотя бы часть своих задумок.

В глубине души он чувствовал легкое недовольство Сапфиры. Ей хотелось бы, чтобы он покутил с гномами, сразился на кулачках с эльфами, занялся бы еще чем-нибудь – лишь бы забыл о работе. Но эти развлечения его не привлекали. Драться не хотелось. Читать тоже. Вообще не хотелось тратить силы на занятия, которые не помогут в решении неотложных задач.

Потому что все они лежали на его плечах. Его и Сапфиры. Любое принятое ими решение могло повлиять не только на будущее Всадников, но и на сохранение драконов как вида, и если решение будет неверным, всем им придет конец.

С такими мыслями не очень-то расслабишься.

Недовольный собой, Эрагон поплелся вверх по лестнице к «орлиному гнезду». Но не поднялся на самую верхушку, а свернул в боковой коридор и очутился в комнате, которую они – кирками и заклинаниями – выкопали уровнем ниже.

Зал был большой, круглый. В середине, на нескольких многоярусных стеллажах, лежали сверкающие Элдунари. Большую их часть он с Сапфирой забрал из Склепа Душ во Врэнгарде, но были там и те, которые Гальбаторикс подчинил своей воле и держал в рабстве.

Темные Элдунари – те, которых Гальбаторикс свел с ума своими заклятиями и пытками, – хранились в глубокой пещере на склоне горы Арнгор. Там они никому не принесут вреда всплесками своих необузданных мыслей, и Эрагон надеялся, что со временем, при помощи других драконов, сумеет их исцелить. Но на это уйдут годы, если не десятилетия.

Будь его воля, он бы спрятал в таких пещерах все Элдунари, а заодно и драконьи яйца. Там они будут под надежной защитой. Несмотря на все замки и охранные заклинания, которыми был укреплен драконий зал, он прекрасно понимал, как много на свете охотников заполучить Элдунари в свои руки.

Однако Глаэдр, Умарот и другие драконы, сохранившие ясность ума, отказались селиться под землей. Как сказал Умарот, «мы сотни лет были заперты в Склепе Душ. Возможно, впереди у нас еще сотни долгих лет ожидания в темноте. А сейчас мы хотим ощутить на своей чешуе солнечный свет».

Значит, так тому и быть.

На центральном стеллаже лежало самое большое Элдунари, а вокруг него – другие, поменьше. В стенах круглого зала было прорезано множество узких окон. Эльфы вставили в них пластины хрусталя, и солнечный свет преломлялся, рассыпаясь на мириады радужных искр. В любое время суток северную комнату пронизывали яркие разноцветные лучи, как падавшие из окон, так и испускаемые самими Элдунари.

Эльфы и гномы прозвали эту комнату Залом Тысячи Красок, и Эрагон был склонен согласиться. Название вполне подходящее.

Он прошел в центр и опустился на колени перед сверкающим золотым самоцветом – сердцем сердец Глаэдра. Разум дракона соприкоснулся с его собственным, и перед Эрагоном распахнулась широкая гамма мыслей и ощущений. Как всегда, он был растроган до глубины души.

«Что тревожит тебя, Эрагон-финиарель?»

Эрагон, еще не успокоившийся, прикусил губу и выглянул в полупрозрачное хрустальное окно.

«Слишком много дел. Я не успеваю с ними справиться и из-за этого не могу заняться ничем другим. Я устал».

«Надо учиться сосредоточению, – ответил Глаэдр. – Тогда мелкие заботы не будут тревожить тебя».

«Знаю... И еще знаю, что на свете есть очень и очень многое, что мне неподвластно. – На губах Эрагона промелькнула короткая мрачная улыбка. – Но знать и делать – совсем разные вещи».

В их беседу вступил еще один разум, и Эрагон машинально бросил взгляд на белое сердце сердец. Умарот, самый старший из драконов, сказал:

«Тебе нужно отвлечься, чтобы ум твой отдохнул и восстановил силы».

«Этого-то я и хочу», – ответил Эрагон.

«Тогда, возможно, мы сумеем помочь, аргетлам. Помнишь, как мы с моими крылатыми товарищами наблюдали за всей Алагейзией из Склепа Душ?»

«Да», – отозвался Эрагон. Он уже догадался, куда клонит дракон.

Он не ошибся.

«Мы делали это, аргетлам, чтобы скоротать дни, а также для того, чтобы оставаться в русле событий и не быть захваченными врасплох при появлении нового врага».

К Умароту присоединились другие Элдунари. Они окружили сознание Эрагона морем рокочущих голосов. Как обычно, ему пришлось сильно напрячься, чтобы отстранить их и удержать в повиновении собственные мысли.

«Я почему-то не удивлен».

«Если хочешь, – предложил Глаэдр, – мы покажем тебе кое-что из того, что видели. Далекие события помогут тебе обрести новую точку зрения».

Эрагон задумался:

«Много ли это займет времени?»

«Столько, сколько нужно, птенец, – успокоил Умарот. – Беспокойство о времени – это как раз то, от чего тебе надо избавиться. Разве орел беспокоится о долготе дня? Разве тревожатся об этом медведь, олень, рыба в море? Нет. Вот и тебе не надо. Жуй, что можешь, а остальное оставь на завтра».

«Ладно, – ответил Эрагон и глубоко вздохнул, готовясь. – Покажите же это».

И драконьи разумы, неудержимые, как прилив, захлестнули его сознание. Они подхватили Эрагона, как волна, вынесли из его собственного тела, из Зала Тысячи Красок, далеко-далеко от заснеженной горы Арнгор, от его тревог и забот, навстречу таким знакомым и таким далеким землям Алагейзии...

Перед ним вспыхивали яркие картины, и в них Эрагон увидел и почувствовал гораздо больше, чем ожидал...

Глава II

Развилка

Пришла зима, в звездном небе над городом Кевнон кружились первые хлопья снега.

Эсси их не замечала. Она с топотом шагала по булыжному переулку позади дома Ярстедов, плотно стиснув губы и стараясь не заплакать. И с ненавистью вспоминала глупую, злую Хьордис – фальшивая улыбка, нарядные бантики, мелкие гадкие подначки. «Терпеть ее не могу!»

И еще – бедняга Карт. Эсси больно было думать о нем. Какой обиженный у него был вид, когда она толкнула его в корыто... Он даже не сказал ничего, как упал – так и остался сидеть, разинув рот, и глаза у него стали большие и круглые.

Рукав был еще мокрым там, куда плеснула грязная вода.

Эсси приближалась к верфи, и знакомый плеск воды в дощатом подбрюшьи доков раздавался все громче. Она шла переулками, узкими дорожками, где редко появляются взрослые. Над головой, среди плюща, увившего стену, сидел нахохлившийся ворон. Он склонил голову набок, разинул клюв и горестно каркнул.

Эсси содрогнулась, словно от холода, и плотнее запахнула шаль. Этой ночью выла собака, свеча на полке, где оставляли молоко и хлеб для свартлингов, погасла, а теперь еще и каркает одинокий ворон. Плохие знаки. Неужели сегодня будут и другие несчастья? Столько ей уже не вынести...

Она проскользнула между вонючими, еще влажными прилавками на краю рыбного рынка и вышла на улицу. Впереди играла музыка, слышались разговоры, из окон «Сытного обеда» лился теплый мерцающий свет. Окна в таверне были хрустальные и поблескивали, как бриллианты, – их делали гномы по особому заказу. Всякий раз, глядя на окна, Эсси испытывала гордость, даже сейчас. Ни в одном доме на улице не было такой красоты.

Внутри, как всегда, было шумно илюдно. Эсси, не обращая внимания на гостей, подошла к бару. Папа разливал пиво, мыл кружки, раскладывал по тарелкам копченую селедку. Он мимоходом взглянул на дочь. Та юркнула в дверцу возле конца барной стойки.

- Что-то ты припозднилась, - сказал он.

- Прости, пап. - Эсси взяла тарелку, положила на нее горбушку хлеба, ломтик твердого сардосского сыра, подсохшее яблоко с полки под баром. Она была еще слишком мала, чтобы прислуживать гостям, зато после закрытия поможет прибраться.

А еще позже, когда все лягут спать, она украдкой спустится в подвал, соберет все необходимое...

Она пошла с тарелкой к большому каменному очагу, рядом с которым расположился столик и два стула. Один был свободен, а на другом сидел кто-то рослый и темноглазый, с ровной бородкой, в длинном черном дорожном плаще. На колене гость держал тарелку и не торопясь ел мамину жареную баранину с репой, аккуратно насаживая кусочки на железную вилку, взятую здесь же, в таверне.

Эсси не обратила на него внимания. Подумаешь, всего лишь путник, один из тех, кто сотнями заглядывает в «Сытный обед».

Она плюхнулась на стул, отломилла кусочек хлеба, воображая, что отрывает голову Хьордис... И принялась жадно есть, пальцами запихивая хлеб в рот, вгрызаясь в сыр и свирепо пережевывая - от этого почему-то становилось легче.

До сих пор хотелось плакать, и это сердило еще сильнее. Плакать - это для малышей. Для слабаков, которыми все командуют. Но не для нее!

Раздраженно хмыкнув, Эсси откусила яблоко, и черенок застрял в просвете между передними зубами.

- Ты чем-то расстроена, - мягко сказал человек напротив.

Эсси нахмурилась, выдернула черенок и швырнула его в огонь.

- Это Хьордис во всем виновата!

Папе не нравилось, когда она подолгу болтала с гостями, но она не обращала особого внимания на этот запрет. У посетителей всегда были в запасе интересные истории, многие ерошили ей волосы, говорили, какая она милая девочка, угощали леденцами и засахаренными орехами, особенно зимой.

- Да? - спросил незнакомец, отложил вилку и повернулся к ней. - А кто такая эта Хьордис?

- Дочка Джерека. Он главный каменщик князя, - хмуро ответила Эсси.

- Понятно. И поэтому она такая важная особа?

Эсси покачала головой:

- Поэтому она сама себя считает важной особой.

- И чем же она тебя огорчила?

- Всем! - Эсси яростно впилась зубами в яблоко и заработала челюстями так энергично, что прикусила щеку изнутри. Поморщилась, сглотнула, стараясь не обращать внимания на боль.

- Очень интересно, - произнес гость, отпил из кружки и салфеткой промокнул пену на усах. - Может быть, расскажешь? Выговоришься - и легче на душе станет.

Эсси покосилась на него с легким подозрением. Лицо у этого посетителя было открытое, но в темных глубоких глазах мерцало что-то... жесткое.

- Папа будет недоволен, что я вам мешаю.

- У меня есть немного времени, - беззаботно отозвался гость. - Я жду одного своего знакомого, который, к сожалению, имеет привычку опаздывать. Если желаешь поделиться со мной своей печальной историей, то найдешь во мне самого благодарного слушателя.

Его странный выговор был Эсси незнаком, кроме того, гость использовал множество умных слов и произносил их так старательно, будто лепил языком из воздуха. Несмотря на это и на жесткость в глазах, Эсси решила, что он, пожалуй, человек хороший.

Она поколотила пятками по ножкам стула:

- Ну... Я бы рассказала, но не могу, потому что мы с вами еще не подружились.

- Правда? А как нам подружиться?

- Скажите, как вас зовут, вот и все!

Гость улыбнулся. Зубы у него были красивые.

- Ну конечно. Как же я сразу не догадался. В таком случае меня зовут Торнак. - Он протянул руку. Пальцы были длинные и бледные, но сильные на вид. Ногти подстрижены аккуратным квадратом.

- Эсси, дочь Сиглинга. - Она пожала ему руку и ощутила твердые мозоли.

- Рад познакомиться, Эсси. Ну, так что же тебя тревожит?

Эсси посмотрела на недоеденное яблоко и со вздохом положила его на тарелку.

- Это Хьордис во всем виновата.

- Ты это уже говорила.

- Она всегда меня обижает и велит подружкам меня дразнить.

Лицо Торнака стало серьезным.

- Это очень нехорошо.

Приободрившись, Эсси помотала головой, давая выход возмущению.

– Дело не в этом! Ну да, они меня и так иногда дразнят... Но когда рядом Хьордис, то вообще деваться некуда!

– Так было и сегодня?

– Ага. Примерно. – Она отломил кусочек сыра, сунула в рот и, жуя, вспомнила все, что случилось за последние несколько недель. Торнак терпеливо ждал. Это ей понравилось. Он был похож на кота. В конце концов она набралась храбрости и сказала: – Перед уборкой урожая Хьордис стала лучше относиться ко мне. Я думала... думала, что теперь все пойдет на лад. Она даже пригласила меня в гости. – Эсси бросила взгляд на Торнака. – Она живет возле замка.

– Впечатляет.

Эсси кивнула, радуясь, что он ее понимает:

– Она дала мне одну из своих лент, желтую, и сказала, что я могу прийти к ней на праздник.

– И ты пришла?

Эсси опять кивнула.

– Это... это было сегодня. – Глаза наполнились жгучими слезами, и девочка торопливо заморгала, злясь на себя.

– Полно, полно, – участливо произнес Торнак и протянул мягкий белый платок.

Сначала Эсси не хотела его брать: он был такой чистый! Но слезы сами собой хлынули по щекам, и она вытерла их.

– Спасибо, господин.

По лицу гостя опять промелькнула еле заметная улыбка.

– Много воды утекло с тех пор, когда меня называли господином, но все равно благодарствую. Как я понимаю, праздник не заладился?

Эсси насупилась и вернула ему платок. Она больше не заплачет, нет.

– С праздником-то нормально. Это все Хьордис. Она снова стала гадкая и... и... – Эсси глубоко вздохнула, набираясь смелости, – и сказала, что если я не сделаю, чего она хочет, то она скажет отцу, чтобы он в день солнцестояния не пускал рабочих к нам в таверну. – Она покосилась на Торнака. Понимает ли он, почему это так важно? – Все каменщики заходят сюда выпить, и... – Она невольно всхлипнула. – И пьют очень много, а значит, оставляют здесь целую кучу денег.

Торнак отставил тарелку на стол и подался к девочке. Его плащ зашелестел, как соломенная кровля на ветру. Лицо было совершенно серьезным.

– Чего она от тебя хотела?

Сгорая от стыда, Эсси уставилась на свои грязные ботинки.

– Чтобы я толкнула Карта в лошадиное корыто, – выдавила она, запинаясь.

– Карт – это твой друг?

Эсси горестно кивнула. Они с Картом знали друг друга с трех лет.

– Он живет в порту. Его отец рыбак.

– Поэтому его обычно не приглашают на такие праздники.

– Да, но на этот раз Хьордис послала за ним служанку, и... – В глазах у Эсси вспыхнул жар. – Мне ничего другого не оставалось! Если бы я его не толкнула, она сказала бы отцу не ходить в «Сытный обед».

– Понимаю, – успокоил ее Торнак. – Значит, ты толкнула своего друга. Успела хотя бы извиниться перед ним?

– Нет. – На душе у Эсси стало еще горше. – Я... я убежала. Но все это видели. Он больше не будет со мной дружить. И никто не будет. Хьордис сыграла со мной дурацкую шутку. Терпеть ее не могу! – Эсси схватила яблоко и опять откусила, клацнув зубами.

Торнак открыл было рот, но в этот миг, направляясь к дальнему столу, мимо прошел хозяин таверны с двумя кружками в руках и бросил на дочь неодобрительный взгляд.

– Моя дочка вам не мешает, мастер Торнак? У нее есть дурная привычка надоедать гостям, когда те хотят поесть.

– Ничуть, – улыбнулся Торнак. – Я слишком долго был в пути, где компанию мне составляли лишь солнце и луна. Поэтому сейчас рад немного поболтать. Собственно говоря... – Он сунул руку за пояс, и Этти увидела, как сверкнуло серебро. Торнак протянул монету отцу. – Будьте добры, проследите, чтобы столики вокруг нас никто не занимал. Я жду своего знакомого, и нам надо обсудить, гм, одно важное дело.

Монета исчезла в кармане фартука, и отец кивнул.

– Конечно, мастер Торнак. – Он снова бросил озабоченный взгляд на дочь и пошел своей дорогой.

Внезапно Эсси стало очень жалко его. Когда она исчезнет, папа сильно расстроится. Но делать нечего. Она должна уйти.

– Итак. – Торнак вытянул длинные ноги к очагу. – Ты начала рассказывать мне свою печальную историю, Эсси, дочь Сиглинга. Это все, что произошло?

– Все, – еле слышно молвила Эсси.

Торнак взял с тарелки вилку и стал быстро вертеть ее в пальцах. От этого у Эсси даже слегка закружилась голова.

– Не думаю, что это так непоправимо, как тебе кажется. Если ты объяснишь своему другу...

– Нет, – твердо ответила Эсси. Она хорошо знала Карта. Он ее никогда не простит. И никто из ее портовых друзей не простил бы. Они решат, что она предала их, чтобы дружить с Хьордис и другими ребятами из замка. И в общем-то, так оно и есть. – Он не поймет. И никогда не будет мне доверять. И все они меня возненавидят.

В голосе Торнака зазвенела сталь.

– Тогда, скорее всего, они и не были тебе настоящими друзьями.

Эта мысль казалась невыносимой.

– Были. Вы не понимаете! – Эсси нетерпеливо стукнула кулаком по подлокотнику. – Карт, он... Он очень хороший. Его все любят, а меня теперь любить не будут. Вам не понять. Вы все такие большие и... и старые.

Торнак вскинул брови:

– Ты и не представляешь, как много я знаю и понимаю. Значит, ты считаешь, что тебя никто не будет любить. Что же ты намерена с этим поделаться?

Эсси не хотела говорить, но слово само собой слетело с языка.

– Убегу. – Осознав, что же она натворила, Эсси умоляюще взглянула на Торнака: – Только не говорите папе!

Торнак положил вилку, отпил глоток из своей кружки и разгладил бороду. Его, кажется, этот план ничуть не огорчил. А вот папа бы очень расстроился. Однако Торнак отнесся к ее словам очень серьезно, и Эсси это понравилось.

– И куда же ты отправишься? – спросил он.

Об этом Эсси уже подумала.

– На юг, там тепло. Завтра уходит караван. Вожатый приходил сюда, он добрый. Ускользну незаметно и пойду с ними в Гирид.

Торнак потрогал вилку кончиком ногтя:

– А потом?

Все, что случится после, пока еще было окутано туманом, зато Эсси твердо знала, какой будет конечная цель.

– Хочу пойти в Беорские горы и навестить гномов! – Эта мысль казалась очень привлекательной. – Они сделали нам окна. Правда, красивые?

– Очень, – согласился Торнак.

– Вы бывали в Беорских горах?

– Бывал, – ответил Торнак. – Однажды, давным-давно.

Эсси посмотрела на него с новым интересом:

– Да? Они и вправду такие высокие, как говорят?

– Такие высокие, что вершины еле видны.

Она откинулась на спинку стула и попыталась представить себе эту картину. Так старалась, что голова пошла кругом.

– Как чудесно!

Торнак невольно фыркнул:

– Ну, если не считать, что тебя могут застрелить из лука... Пойми, Эсси, дочь Сиглинга, бегством твоих здешних бед не уладить.

– Разумеется, – ответила она. Его мысль казалась ей очевидной. – Зато, если я уйду, Хьордис не будет больше меня мучить. – Эсси скорчила рожу.

Торнак, кажется, чуть не рассмеялся, но потом вновь отхлебнул из кружки и заговорил серьезнее:

– Разреши предположить: ты, наверное, смогла бы все исправить здесь, вместо того чтобы убегать.

– Этого не исправишь, – упрямо заявила она.

– А как же твои родители? Ведь они будут ужасно скучать. Неужели ты хочешь причинить им такие страдания?

Эсси скрестила руки на груди. Разговор пошел совсем не так, как ей хотелось. Поначалу Торнак был такой добрый, со всем соглашался. Почему же сейчас заспорил?

– У них останется еще мой брат, сестра и Олфа. Ему всего два года. – Она надула губы. – Они не будут по мне скучать.

– Strongly сомневаюсь, – покачал головой Торнак. – Кроме того, подумай о том, как ты поступила с Хьордис. Ты помогла защитить «Сытный обед». Когда родители поймут, на какие жертвы тебе пришлось пойти, они будут тобой гордиться.

– Угу, – неуверенно хмыкнула Эсси. – Если бы не я, у них бы не было никаких хлопот. Вся беда во мне. А если я уйду, все наладится. – Укрепив свою решимость, она швырнула в камин огрызок яблока.

К дымоходу взлетел ворох искр, зашипел, испаряясь, сок.

Предельно небрежным голосом Торнак спросил:

– Что это такое?

– Что? – не поняла Эсси.

– Вот это, у тебя на руке.

Эсси опустила глаза и увидела, что рукав задрался, обнажив ярко-красный шрам, вьющийся по левому запястью. Она стеснительно одернула манжету и буркнула:

- Ничего.

- Можно посмотреть? - Торнак протянул руку.

Эсси поколебалась, но гость был так вежлив, так уверен в своих силах, что она в конце концов разрешила.

Осторожно, как делала мама, Торнак отвернул манжету. Эсси отвела глаза. Ей не хотелось лишний раз смотреть на шрам, она и так знала, что он ползет по предплечью до самого локтя.

Только бы никто больше в зале этого не увидел.

Через мгновение она почувствовала, как Торнак опустил рукав.

- Очень... впечатляющий шрам, - сказал он. - Можешь им гордиться.

Девочка в замешательстве нахмурилась:

- Чем же тут гордиться? Он некрасивый, и я его терпеть не могу.

В уголках губ Торнака играла легкая улыбка.

- Потому что шрам означает, что ты столкнулась с опасностью и осталась жива. Означает, что ты сильная и с тобой не так-то просто справиться. Что ты живешь в полную силу. Шрам достоин восхищения.

- Неправда это. - Эсси указала на стоящий у камина горшок, расписанный колокольчиками, который подарила прошлой зимой тетя Хельна. Пару лун назад Эсси уронила его на пол, и с тех пор от верхнего края к донышку змеилась трещина. - Он только значит, что тебя поломали.

Торнак тихо вздохнул:

- Да. Но иногда, если очень постараться, трещину можно заделать так, что станешь прочнее прежнего.

Беседа нравилась Эсси все меньше и меньше. Она скрестила руки, сунула левый кулак под мышку.

- Из-за него Хьордис и все остальные вечно надо мной смеются. Говорят, что с этим шрамом рука у меня красная как рак, и поэтому я никогда не найду себе мужа.

- А что говорят родители?

Эсси скривилась:

- Что он не имеет значения. Но я в это не верю. Правильно?

Торнак склонил голову:

- Да. Думаю, правильно. Но родители стараются, как могут, уберечь тебя.

- Все равно не уберегут, - фыркнула девочка и покосилась на гостя, лицо которого потемнело, но, похоже, Эсси была ни при чем. - А у вас есть шрамы? - любопытствовала она.

Торнак грустно рассмеялся.

- О да. - И указал на маленькую белую черточку у подбородка. - Вот этому всего несколько месяцев. Один мой приятель, увалень, случайно наградил меня, когда мы сцепились в шутливой драке. - В голосе Торнака проступила теплота. Потом он спросил: - А что случилось с твоей рукой?

Эсси ответила не сразу. Перед глазами всплыли кухня в таверне тогда, ранним утром года три назад, и заполошный мамин крик...

- Случайно вышло, - буркнула она. - Мне на руку свалился горшок с кипятком.

- Просто свалился, и все? - прищурился Торнак.

Эсси кивнула. Не хотелось говорить, что ее толкнул папа. Но он же не виноват! Она бегала по кухне, а он ее не заметил. Эсси знала, что он страшно переживает из-за случившегося.

- Гм. - Торнак долго смотрел в огонь, и в его глазах плясали алые угольки и искры.

Эсси с любопытством глядела на него и в конце концов спросила:

- Откуда вы?

- Очень, очень издалека.

- С юга?

- Да, с юга.

Она лягнула пяткой ножку стула.

- И как там? - Если уж бежать, то нужно хотя бы выяснить, что ее там ждет.

Торнак медленно набрал полную грудь воздуха, откинул голову и устремил в потолок мечтательный взгляд.

- По-разному. Есть места жаркие и есть холодные и такие, где никогда не унимается ветер. Леса без конца и края. Пещеры, уходящие глубоко под землю, и равнины, где пасутся огромные стада оленей.

- А чудовища бывают?

- Конечно. - Он перевел взгляд на Эсси. - Чудовища всегда бывают. Некоторые даже похожи на людей... Знаешь, я и сам сбежал из дома.

– Правда?

Он кивнул:

– Я был старше тебя, но да. Сбежал, однако так и не сумел скрыться от того, что меня терзало. Послушай, Эсси. Знаю, тебе кажется, что, если сбежишь, сразу все уладится. Но...

– А вот и ты, Торнак Странник, – произнес чей-то голос, такой хитрый и вкрадчивый, что у Эсси по спине поползли мурашки.

К ним подошел человек – тощий и сутулый, в заплатанном плаще на плечах и рваной одежде под ним. На пальцах поблескивали кольца.

Эсси он сразу не понравился. От него пахло сырым мехом, а в манерах и взгляде было что-то такое, от чего на душе стало тревожно.

– А, Саррос, – приветствовал его Торнак, подавив промелькнувшую на лице неприязнь. – Я тебя давно жду.

– Нынче в здешних краях опасно. – Саррос взял стул от соседнего столика и уселся между Торнаком и Эсси, лицом к обоим.

А Эсси заметила: с улицы в таверну зашли еще несколько человек. Шестеро. На вид простые, но на рыбаков не похожи. Одеты в меха и кожу, глядят свирепо, словно охотники, которые однажды появились весной. Папе тогда пришлось их вышвырнуть: очень уж от них было много шума.

У барной стойки отец смотрел на неожиданных гостей настороженно. Достал обитую кожей дубинку и положил рядом – безмолвное предупреждение. От этого Эсси стало спокойнее: она не раз видела, как отец парой точных ударов угомонял даже самых буйных пьяниц.

Саррос ткнул в ее сторону длинным грязным пальцем.

– Нам надо поговорить серьезно. Отгони малявку.

– Мне скрывать нечего, – ответил Торнак ровным голосом. – По мне, пусть остается. – И покосился на Эсси: – Если тебе самой интересно. Можешь узнать много полезного о том, как устроен мир.

Эсси вжалась в кресло, но не ушла. Слова Торнака разожгли в ней любопытство. И почему-то из головы не шли дурные предзнаменования, сыпавшиеся нынче одно за другим. Казалось, если она уйдет, с Торнаком случится что-то ужасное.

Саррос покачал головой и издал протяжный шипящий вздох.

– Глупо это, Странник. Ну да ладно, делай как знаешь. Я спорить не стану.

Во взгляде Торнака блеснула сталь.

– Еще бы ты спорил. Рассказывай, что отыскал! Тебя не было три месяца и...

– Ладно, ладно, – махнул рукой Саррос. – Три так три. Я же говорил, теперь тут опасно. Но я услышал кое-что о том, что ты ищешь. И не только услышал. Я нашел вот это. – Он достал из кожаного кошелька на поясе что-то черное, размером с кулак, и бухнул на стол.

Эсси подалась вперед. Торнак тоже.

Эта штука была похожа на обычный булыжник, но мерцала каким-то загадочным блеском, словно в глубине были спрятаны тлеющие угли. Эсси такого никогда не видала. Она принюхалась и наморщила нос. Фу! Воняло тухлым яйцом.

Торнак смотрел на камень так, будто не мог поверить, что он настоящий.

– Что это?

Саррос пожал плечами и нахохлился, как цап ля, гуляющая в порту.

– Могу только догадываться. Но ведь ты искал что-то странное, нездешнее, такое, чтобы не вписывалось в обычные рамки...

- Там были еще? Или...

Саррос кивнул:

- Говорят, были. Целые поля, усеянные камнями.

- Черными, обгоревшими?

- Как будто опаленными огнем, но ни следа пламени или дыма.

- Откуда это? - спросила Эсси.

Саррос неприятно улыбнулся. Девочка заметила, что его зубы остро заточены, однако вид от этого был скорее отвратительный, чем пугающий.

- Знаешь, детка, в этом-то вся и суть.

Торнак потянулся к камню, но Саррос проворно накрыл его рукой - словно спрятал в клетке из пальцев.

- Нет, Странник, - хмыкнул он. - Деньги вперед.

Торнак достал из-под тяжелого плаща небольшой кожаный кошель и положил на стол. Звякнул металл.

Улыбка Сарроса расплылась еще шире. Он развязал тесемки, и Эсси заметила, как внутри желтовато блеснуло. Она ахнула. Золото! А она и одной кроны-то в жизни не видела.

- Половину сейчас, - сказал Торнак, - а вторую - когда расскажешь, где ты это нашел. - Он ткнул пальцем в камень.

Саррос издал странный придушенный звук. Эсси не сразу догадалась, что он так смеется.

– О нет, Странник, – проговорил наконец острозубый. – Не так. Ты отдашь нам все монеты, и тогда, может быть, мы сохраним тебе голову на плечах.

На другом конце зала люди, одетые в меха, дружно спрятали руки под плащи, и Эсси заметила, как блеснули рукояти мечей.

Она в панике взглянула на отца. Тот был занят: один из портовых рабочих облокотился на стойку и о чем-то болтал, отвлекая хозяина. Эсси раскрыла рот, намереваясь закричать, но Саррос приставил к ее горлу тонкий клинок.

– Ай-яй-яй, – протянул он. – Попробуй только пискнуть, мелочь, и я распорю тебе глотку от носа до кормы.

Эсси замерла. Лезвие, холодное и смертоносное, обжигало кожу, и она боялась даже дышать. Внезапно все ее былые несчастья показались мелкими и ничего не значащими. Папа мог бы ее спасти, наверняка мог бы... если бы знал, что дочь в беде. Она не сводила с него глаз, надеясь, что отец как-то почувствует ее тревогу.

Взгляд Торнака стал холодным и острым, но в целом он казался совершенно спокойным.

– Саррос, что на тебя нашло? Я плачу хорошие деньги.

– Ага. В этом-то все и дело. – Саррос склонился ближе, еще шире растянул губы. Его дыхание воняло гнилым мясом. – Если ты готов столько отвалить за слухи и намеки, значит, денег у тебя куры не клюют.

Эсси подумала, не лягнуть ли его в лодыжку, но слишком боялась ножа.

Торнак нахмурился, и девочка услышала, как он вполголоса пробормотал плохое слово. Потом сказал:

– Зачем тебе драка? Скажи мне, где это место, забери положенное тебе золото, и все останутся целы и невредимы.

– Какая еще драка? – хихикнул Саррос. – У тебя нет меча. Нас шестеро, ты один. Хочешь не хочешь, а деньги будут нашими. – Сталь укусила шею Эсси, яркой искоркой вспыхнула боль, и девочка вздрогнула. – Видишь, Странник? Все очень просто: отдай деньги или эта малявка заплатит своей кровью.

Эсси затаила дыхание, не сводя глаз с Торнака. В глубине души ей хотелось, чтобы он достал спрятанный кинжал и совершил что-нибудь опасное и героическое. Он казался вполне способным на это. И еще Эсси надеялась, что он ее спасет.

А вместо этого Торнак произнес какую-то длинную фразу из незнакомых слов.

Воздух перед ним словно затрепетал, но больше ничего не случилось. Эсси не знала, чего Торнак хотел этим добиться, однако явно не сработало.

Саррос опять хихикнул:

– Глупо. Очень глупо. – Он достал из-за пазухи амулет из птичьего черепа. – Видишь это, Странник? Ведьма Бейчел дала каждому из нас вот такую зачарованную подвеску. Твои колдовские штучки теперь не помогут. Мы надежно защищены от любого зла.

– Неужели? – прищурился Торнак. И произнес слово. Уж это было слово так слово! Оно грохнуло, словно колокол, и в его звучании Эсси уловила все возможные смыслы, но когда попыталась вспомнить это слово, то не нашла в памяти ни следа.

Наступило глухое молчание. Все, кто был в таверне, обернулись к Торнаку, и у многих лица были оглушенные, как будто их только что разбудили от крепкого сна.

Магия! Эсси широко распахнула глаза, от удивления даже забыв про страх. Нынче никому не дозволено заниматься колдовством, разве только с разрешения королевских чародеев – Дю Врангр Гата. Эсси всегда мечтала увидеть ту магию, о которой гласят старинные легенды.

Но Саррос под ударом слова остался цел и невредим, и Торнак, кажется, впервые встревожился.

– Эсси! – Папа схватил дубинку и перемахнул через стойку. – А ну, отпусти ее сейчас же! – Но не успел он сделать и шагу, как на него налетели двое в мехах, повалили на пол и ударили по голове рукоятью меча.

Отец со стоном выронил дубинку.

Больше никто не посмел шелохнуться.

– Папа! – крикнула Эсси. Если бы не нож у горла, она бы не задумываясь бросилась к отцу. До сих пор она ни разу не видела, чтобы он проигрывал в драке. При виде его, распростертого на полу, Эсси окончательно разуверилась в том, что кто-то способен ее защитить.

Саррос хихикнул громче прежнего:

– Не помогут твои фокусы, Странник. Чары Бейчел сильнее любых других. Ее магия самая глубокая.

– Возможно, ты и прав, – согласился Торнак. Он выглядел совершенно спокойным, и Эсси не могла понять этого. Он взял вилку и стал вертеть ее в пальцах. – Ну ладно. Похоже, мне деваться некуда.

– Совсем некуда, – самодовольно кивнул острозубый.

Из кухни вышла мама, вытирая руки о фартук.

– Что тут про... – Вдруг она увидела Сарроса с ножом, мужа на полу и побелела.

– Не делай глупостей, а не то твоему мужику конец, – бросил один из меховых бандитов, нацелившись на папу острием кинжала.

Пока глаза всех присутствующих были устремлены на маму, Эсси успела заметить, как шевельнулись губы Торнака. Он произнес неслышное слово, и по вилке сверху донизу пробежал трепетный огонек.

Если бы девочка в тот миг моргнула, то ничего и не заметила бы.

Саррос хлопнул по столу широкой ладонью:

– Хватит болтать. Гони деньги.

Торнак склонил голову и сунул левую руку под плащ. Только что он сидел, полностью расслабившись, и вдруг его плащ взметнулся, обдав Эсси порывом ветра, вилка сверкнула над столом и – дзынь! – выбила нож из руки Сарроса. Клинок вонзился в бревенчатую стену.

Торнак сидел, вытянув обе руки, а зубцы вилки упирались Сарросу под подбородок. Бандит поперхнулся. По лицу заструился пот.

Эсси до сих пор боялась шелохнуться: Саррос держал руку близ ее шеи, растопырив пальцы. Мгновение – и сожмет их на горле.

– И все-таки, – заговорил Торнак, – твой амулет не помешает мне приложить магию к чему-нибудь другому. Например, к этой вилке. – В его глазах блеснул хищный огонек, и зубцы вилки до крови впились в кожу бандита. – Думаешь, без меча я тебя не одолею, гнида вонючая?

Саррос зашипел. Потом толкнул Эсси прямо на Торнака и отскочил, опрокинув стул.

Эсси упала на пол. В ужасе поползла на четвереньках между столами, добралась до мамы. В таверне вспыхнула потасовка. Крики, грохот, звон бьющихся кружек.

Мама ничего не сказала, только толкнула Эсси к себе за спину, схватила стул и выставила перед собой, точно оружие или щит.

Зал превратился в поле битвы. Куда ни глянь, толкались посетители, бросившиеся наутек. Шестеро бандитов в мехах и с обнаженными мечами пытались прижать Торнака к камину, но он легко ускользал от них. Он скинул плащ и метался по залу с кошачьей грацией. Саррос забился в угол и кричал оттуда:

- Прикончите его! Разрубите пополам! Выпустите кишки!

Один из бандитов взмахнул мечом и бросился на Торнака. Тот легко отразил удар вилкой, потом сделал выпад – и вилка глубоко погрузилась в грудь нападавшему.

По осени, когда заканчивался сбор урожая, Эсси не раз видела, как дерутся оставшиеся без дела работники, но эта схватка ничуть не походила на пьяную потасовку крестьян. Сейчас было гораздо хуже: трезвые люди сошлись не на жизнь, а на смерть в открытом бою, и от этого ей стало во много раз страшнее.

Она поискала взглядом отца. Тот полз к барной стойке, в укрытие, из рассеченного виска капала кровь.

- Папа! – крикнула Эсси, но он не услышал.

На Торнака набросились сразу трое. Они суматошно размахивали мечами, не глядя друг на друга.

Торнак схватил стул и обрушил его на противника слева, при этом вилкой отражая атаки двух других. Он фехтовал с необычайным мастерством, отражая все удары. Нападавшие тщетно пытались пробить его защиту. У них было преимущество длинных клинков, но Торнак легко уклонялся от выпадов и вскоре перешел в нападение, двигаясь с непостижимой быстротой. Удар, другой, еще и еще – и трое бандитов с громкими стонами остались лежать на полу.

Тем временем папа дополз до бара и поднялся на ноги. В руке он до сих пор сжимал дубинку, но разве может обтянутая кожей палка сравниться со сверкающими мечами!

- Эсси, – дрожащим голосом проговорила мама. – В кухне Олфа. Иди туда...

Закончить она не успела. К ним подскочил один из головорезов Сарроса с булавой в руке. Он обрушил могучий удар на стул у мамы в руках, и тот буквально рассыпался.

Никогда еще Эсси не была такой маленькой и беспомощной. Папа далеко, он не успеет, а мама ничего не сможет поделаться с этим бандитом. Он взмахнул мечом...

Но глаза бандита вдруг закатились, и он рухнул ничком. Из затылка торчала вилка.

Это Торнак метнул ее через весь зал!

Саррос и последний его подручный с двух сторон подступили к обезоруженному Торнаку. Но приблизиться на расстояние удара не успели: Торнак толкнул стол прямо в живот бандиту, а когда тот пошатнулся, приложил головой об пол.

Саррос выругался и рванулся к двери, на бегу швырнув в Торнака горсть блестящих кристаллов.

И опять Торнак прошептал слово, и по его команде кристаллы круто развернулись и устремились в очаг. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Из каменного очага взметнулся вихрь огненных искр.

Саррос не успел добежать до двери: Торнак догнал его, схватил за шиворот, поднял над головой, а потом с силой впечатал в дощатый пол. Острозубый взвыл от боли и стиснул левый локоть, выгнувшийся под неестественным углом.

- Эсси, - прошептала мама, - стой за мной.

У Эсси и в мыслях не было послушаться. Последние оставшиеся гости пятились к дверям. Торнак наступил ногой на грудь Сарросу.

- Ну, мерзавец, - прорычал он, - говори, где нашел камни?

Папа, шатаясь, побрел от стойки к маме и Эсси. Никто ничего не сказал, только мама обняла папу, а он обнял ее.

Из горла Сарроса вырвался булькающий смех. Дикая нотка в голосе напомнила девочке Вейрика, сумасшедшего, который жил под мостом у мельницы. Саррос облизал заостренные зубы и произнес:

– Ты сам не знаешь, чего ищешь, Странник. Ты одурманен луной и не видишь дальше своего носа. Спящий шевельнется и раздавит нас всех, как муравьев. И тебя, и меня.

– Камень, – процедил Торнак. – Где?

Голос Сарроса стал еще тоньше. Ночную тишину пронзил его безумный визг:

– Ты не понимаешь! Хранители снов! Они забрались к тебе в голову, искорежили твои мысли! Вывихнули тебе разум! – Бандит забился в припадке, заколотил пятками по полу. На губах пузырилась желтая пена. – Они придут за тобой, Странник, вот увидишь, придут! Они... – Голос оборвался сдавленным хрипом, острозубый дернулся в последний раз – и затих.

В первый миг никто в таверне не шелохнулся.

Все глаза были устремлены на Торнака. Он сорвал с шеи Сарроса амулет, подобрал оброненный плащ и вернулся к столу у камина. Сунул в карман камень, мерцавший внутренним пламенем, взял кошель с монетами и помедлил, размышляя.

Взвесил кошель в руке, подошел к маме и папе, которые стояли, закрывая собой Эсси.

– Прошу вас... – взмолился папа.

Эсси никогда не слышала в его голосе такого отчаяния, и от этого противно засосало в животе. Отцовский страх отчетливо дал понять, что мир куда опаснее, чем ей казалось прежде. Она всегда считала свой дом надежным укрытием от любых опасностей и тревог – и вдруг это закончилось. И отец с матерью не сумеют защитить ее – ни от меча, ни тем более от магии.

– Приношу извинения за беспокойство, – сказал Торнак. От него пахло потом, льняная рубашка была забрызгана кровью. И тем не менее он снова вел себя совершенно спокойно. – Вот, этого хватит, чтобы навести порядок.

Он протянул кошель, и папа, недолго поколебавшись, взял деньги.

– Вот-вот нагрянет стража. – Отец облизнул губы. – Если выйдете через черный ход, успеете добраться до ворот незамеченным.

Торнак кивнул. Потом опустился на колени и выдернул вилку из головы бандита, лежавшего на полу. В упор посмотрел на Эсси, и она съежилась в комочек.

– Бывают дни, – тихо сказал Торнак, – когда надо остаться и вступить в бой. Бегством делу не поможешь. Теперь ты это поняла?

– Да, – шепнула Эсси.

Торнак обратился к родителям:

– Последний вопрос: чтобы таверна работала, вам нужно покровительство гильдии каменщиков?

Отец изумленно выгнул бровь:

– Нет, раз уж на то пошло. А что?

– Так я и думал, – ответил Торнак. А потом вручил Эсси вилку. Она была совершенно чистая, ни капельки крови. – Держи, Эсси, дочь Сиглинга. На ней заклятие, она никогда не сломается. Если Хьордис снова будет мучить тебя, ткни ее хорошенько, и она отстанет.

– Эсси, – предостерегающе произнесла мама.

Но Эсси уже приняла решение. Торнак прав: бегством делу не поможешь. И эта причина была не единственная. Хотя дома ей спокойнее, чем где угодно в других местах, все же нельзя рассчитывать на то, что родители отведут все беды. Это доказала схватка в зале таверны. Остается только одно: научиться самой защищать себя и свою семью.

Она взяла вилку и торжественно сказала:

– Спасибо.

– У каждого хорошего оружия должно быть имя, – проговорил Торнак. – Тем более у волшебного. Как ты ее назовешь?

Эсси задумалась на секунду и ответила:

– Мастер Тык!

По лицу Торнака расплылась широкая улыбка, а из глаз исчезли последние тени. Он от души, сердечно рассмеялся:

– Мастер Тык! Мне нравится. Очень метко. Пусть Мастер Тык всегда приносит тебе удачу.

И Эсси тоже улыбнулась. Ну и пусть мир большой и страшный, зато теперь у нее есть волшебное оружие. У нее есть Мастер Тык! Может быть, Карт ее простит, если она возьмет и хорошенько ткнет Хьордис. Эсси словно наяву видела, каким станет лицо этой нахалки...

Затем мама спросила:

– Кто... кто же вы такой на самом деле?

– Просто один из тех, кто ищет ответы, – отозвался Торнак.

Эсси подумала, что сейчас он повернется и уйдет, однако он положил ладонь ей на левую руку и произнес слова, которых удивленная девочка не поняла, и те проникли куда-то вглубь, словно дергая мышцы за невидимые веревочки.

– Оставьте ее в покое! – Папа потянул Эсси к себе, но Торнак уже шагал прочь, и плащ развеялся у него за спиной, как темное крыло.

Когда Странник свернул в переулок, папа с мамой кинулись ощупывать Эсси руки и ноги.

– Тебе не больно? – тревожилась мама. – Что он тебе сделал? Ты...

– Все хорошо, – ответила Эсси, хоть и была в этом не совсем уверена. – Я... ай! – По левой руке взбежала жгучая, щекотная боль, как будто ее кусали тысячи муравьев.

Эсси снова вскрикнула, рванула манжету, закатала рукав...

Верхняя часть предплечья менялась на глазах. Длинный припухлый шрам разглаживался, превращаясь в чистую здоровую кожу. Он уменьшался и уменьшался, пока от него не осталась лишь крохотная красная черточка. Она не исчезла совсем. Осталась как напоминание о пережитой боли. О победе.

Эсси не верила своим глазам. Прикоснулась к обновленной коже, подняла глаза на родителей. И на этот раз не стала сдерживать слезы, хлынувшие по щекам.

– Ох, Эсси, – только и вымолвил папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/paolini_kristofer/eragon-vilka-ved-ma-i-dragon

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)